

Александр Бобровский

Киев, Украина

ПЯТЬ ТЕЗИСОВ ЭММАНЮЭЛЯ ЛЕВИНАСА, АКТУАЛЬНЫХ ДЛЯ НАС СЕГОДНЯ

Когда дышат воздухом одной эпохи — говорят на одних языках¹.

Э. Левинас

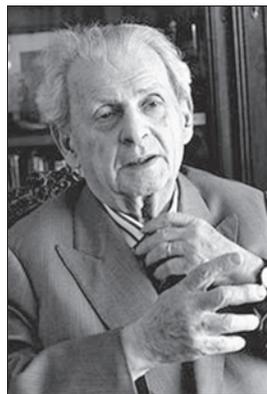
В эпоху социальных, экономических и политических перемен мы невольно обращаем наши взоры к духовным учителям и мыслителям в поисках ответов на вызовы современности: вопросы о справедливости и власти, мире и свободе, морали и ответственности возвращаются к нам вновь, только уже в новом облачении. «Лихие времена» словно витком спирали истории затягивают нас, привыкших к европейской стабильности, гармонии и порядку. «Вихри» эпохи нынешней — это и массовая культура потребления, информационное противостояние, миграционные потоки, геополитические конфликты, в которых даже Латвийское государство — не исключение... «Нет ничего нового под солнцем» — провозглашал библейский Экклезиаст, а великий Бернард Шоу саркастично добавил: «Единственный урок, который можно извлечь из истории, состоит в том, что люди не извлекают из истории никаких уроков». Принятие идеи о спиральном развитии истории означает то, что в каждом поколении, в каждом народе, в каждом сообществе живы те, кто однажды попадал в «воронку истории», кто в большей или меньшей степени переживал сходные события.

Героя последующих страниц, увы, уже нет с нами, но его глубокие и по-человечески гуманные идеи живы до сих пор. Эмманюэль Левинас (Эммануил Левин; 1906—1995) — философ, педагог, переводчик, практически наш современник-интеллектуал, со дня смерти которого в следующем году исполняется 20 лет, — это человек, который сполна ощутил «вихри времени, живя в безумное для Европы время глобального социально-политического передела мира, но сумевшего прожить долгую удивительную жизнь, полную как радостей, так и разочарований, сохранив самое хрупкое, что может быть в этом мире, — веру в Человека.

Личность мыслителя примечательна принадлежностью сразу к нескольким культурам. С поразительной гармонией Левинасу удалось впитать и переработать в себе провинциальность литовского местечка, динамику общественно-культурной жизни французской столицы и строгий академизм немецких университетов. География его жизненного пути обширна: выходец из еврейской семьи в губернском городе Ковна Российской империи (ныне Каунас в Литве), Левинас учился в гимназии в Харькове (Украина), затем, ненадолго вернувшись в Литву, эмигрировал во Францию, слушал лекции ведущих профессоров в Германии. С началом Первой мировой войны — служба во французской армии, плен и пребывание в трудовом лагере и, наконец, с приходом союзников — та самая «трудная свобода», о которой часто будет размышлять философ в своих произведениях и обретя которую Левинас вышел сформировавшимся мыслителем. Его мыслям хочется доверять, ими хочется проникнуться. Этому способствует живой диалог,

который мыслитель непрерывно ведет с ведущими интеллектуалами своей эпохи, с которыми ему довелось повстречаться².

Размышления философа, как и его способ изложения, неординарны. Главные цели, к которым ведет своих читателей Левинас, заставляя со-пережить вместе с ним все драматические события эпохи, — этика и смысл человеческого. В этом ему помогли два популярных в Европе в первой половине XX в. философских направления: феноменология — наука об исследовании границ нашего сознания и экзистенциализм, или «философия человеческого существования». Благодаря последнему тексты мыслителя наполнены понятиями «утомленность» и «усилие», «страх» и «милосердие», «лень» и «ответственность». По словам

Эмманюэль Левинас

Левинаса, экзистенциализм послужил для него исходной точкой постановки человека и человеческого опыта в центр всего вопрошания, а феноменологический анализ философ направил на исследование различных сфер человеческого опыта, и прежде всего опыта морального. Этика священных книг иудаизма оказалась для философа неисчерпаемым источником человеческой мудрости, дающим трактовку вышеупомянутых понятий. В библейских историях Левинас видел отображение чистой этики и справедливости, которым он посвятил несколько своих программных работ: «Девять талмудических чтений», «Три тезиса о еврейском образовании» и др. Несмотря на приверженность традициям иудаизма, Левинас при жизни так и остался практически неизвестным в Израиле: то ли религиозности не хватало в речах философа, до конца дней считавшего себя европейцем и пытавшегося сгладить разрыв между светским и религиозным, то ли пронзительное «эхо Холокоста», доносящееся со страниц его произведений, отталкивали избирательную израильскую публику, которая стремилась «обрубить концы» с местечковым восточноевропейским еврейством.

Однако вскоре после смерти идеи Левинаса нашли свою аудиторию. Круг почитателей стал множиться с необыкновенной скоростью. Ассоциации и центры изучения наследия Э. Левинаса сегодня действуют в Европе и в Израиле, а сам философ прочно вошел в галерею выдающихся европейских мыслителей современности.

В чем же состоят основные по-философски жизненные постулаты философа, прожившего столь необычную и полную событий жизнь? Приглашая читателя проникнуть в глубину мысли философа, по нашему мнению, представляется важным изложить их в пяти обобщенных тезисах, придерживаясь хронологии интеллектуального и жизненного становления философа.

1. «Действовать значит взять на себя настоящее»

Эмманюэль Левинас характеризует наш мир как мир «расколотый», «перевернутый» — эти выражения прочно вошли в наш речевой обиход. Расхождение между событиями и рациональным порядком; непрозрачные и абсурдные поступки; невозможность наладить взаимоотношения друг с другом — этого достаточно для того, «чтобы в сумерках мира проснулась древняя одержимость концом света».

Предчувствие «конца света» заставляет нас вернуться к бытию, связь с которым мы время от времени теряем. Человек, может быть, нисколько и не связан с вещами этого мира, он способен вещи приобрести или оставить, но окончательно потерять связь с миром мы не можем, поскольку связь с бытием заложена в нас изначально. Окружающий нас мир, или бытие, с которым мы связаны и по отношению к которому мы так бдительны, не является синонимом существования — Левинас разводит эти два понятия. Бытие не лично, не овеществлено, не выражено в совокупности людей и вещей, поскольку уже предопределено без нас и не нами, еще до того, как мы появились на этот свет. Наша связь с существующим, с бытием предопределена. Бытие нас постоянно удивляет, разве не так? Левинас прибегает к примеру открытия глаз при ярком дневном свете, когда происходит озарение, а человек испытывает чувство восхищения и удивления. Казалось бы, обычный дневной свет, но как удивителен он!

В состоянии ли человек занять позицию по отношению к своему существованию? Как осознать себя в рамках своего существования? Выработку позиции к своему существованию, говорит Левинас, многие называют «борьбой за жизнь». В борьбе за вещи, способные удовлетворить наши потребности, на завоевание которых направлена эта борьба, — в ней заключена цель существования многих. Во все времена это понятие занимало привилегированное место в интерпретации жизни, однако именно в нем заключен разрыв с традиционными представлениями о связи между существующим и его существованием.

Дело в том, что человек борется, потому что боится мира, боится бытия, страшится самого факта существования, его жизнь «превращается в муку быть»³. А это, в свою очередь, выражается в таких свойственных человеку слабостях, как «усталость» и «лень». На этом Левинас не останавливается, указывая, что «боязнь бытия» имеет под собой основание боязни «не-бытия». «Не-бытие» подразумевает извечное зло, которое нужно вновь и вновь преодолевать. Но что за бытие без тревоги? — оно было бы «бесконечным бытием», говорит Левинас, а это уже противоречит конечности человеческой природы. Что же выходит: наша вовлеченность в мир должна развеять страх перед бытием, но на самом деле, из-за тесной связи бытия и конечности существования, этот факт нагоняет еще пуще страху. И коль проблема извечна и является одной из основных проблем философии, которую Левинас пытается решить с помощью своего этического учения, философ утверждает поразительную вещь: зло на самом деле не такой уж и недостаток современного мира, а совершенно естественное его состояние, с которым нужно научиться взаимодействовать.

Легко сказать — вместо того чтобы придаваясь с улыбкой самому факту нашего существования, мы подвержены чувству долженствования и потребности действовать, посему просто сбегает от существования. «Отказаться от существования» без всякого суждения означает утомиться от всех и вся. Даже «лень», которая, по мнению Левинаса, не является праздностью и отдыхом, «...является позицией по отношению к действию». Но это не просто нерешительность, затрудненность выбора. Она следует за интенцией и «находится между ясным долгом вставания и спусканием ноги с кровати». Но это и не физическая «невозможность совершить действие, превосходящее наши силы». По мнению Левинаса, в определенном смысле «лень» — это отвращение к усилию: «лень — это атрибут того самого небытия, «родственница» страха деятельного существования. Это страх жить, являющийся, тем не менее, жизнью, в которой

боязнь непривычного, приключения, неизвестности — следствие тошноты, вызванной отворачиванием к предпрятию существования»⁴.

Усилие необходимо связано с действием, с началом действия. Начало действия — это тот момент, в мгновение которого уже можно что-то потерять — ведь что-то уже имеешь, хотя бы само это мгновение. «Начало действия — уже принадлежность и озабоченность тем, чему оно принадлежит и что ему принадлежит. Принадлежит себе, оно сохраняется, само становится существительным, существом. Тем самым оно, по существу, является заботой»⁵, — заключает Левинас. Окружающий нас мир удивительно богат, однако, прежде чем стать источником наслаждения, бытие становится источником озабоченности. Нужно приложить усилия и позаботиться о том, что мы собираемся сделать, о начале действия. Это не значит просто говорить, что настоящее актуально; это означает субъекта, который взаимодействует с существованием, связанным с ним, — берущего его на себя. Действие — это взятие на себя. «Начать» по-настоящему — значит начать, «неотчуждаемо владея собой», взяв себя в руки. Это значит быть не в состоянии вернуться назад, «это значит подняться на борт и отдать швартовы. Но тогда нужно прожить авантюру до конца!».

2. «Если Другой обращается ко мне, я в ответе за него»

В более крайней форме один из основополагающих тезисов Эмманюэля Левинаса звучит так: «Я в ответе за Другого, независимо от того, взаимно мое чувство или нет, даже если мне придется умереть за это».

Этот тезис находит свое развитие в произведении «Этика и бесконечное», где Левинас подробно останавливается на важности «Другого» — образной совокупности окружающих людей. «Другой» — это иной человек, не имеющий ничего общего со мной. «Другой» — это и близкий коллега, партнер, друг. Каким бы ни был «Другой», для Левинаса он не является тем, кто не обречен оставаться снаружи непроницаемых стен моей личной жизни, моего личного бытия, моей самости. Природа отношений между «Я» и «Другим» глубоко диалогическая. Лик «Другого» — то, что открывает его внутренний мир, позволяет установить с ним контакт. Обращенный ко мне лик «Другого» выражает себя в своей открытости и «обнаженности». Он является источником нравственной необходимости. Его обращение означает ожидание ответа, и в этом смысле «Я» является ответственным перед «Другим». Левинас, следуя феноменологической традиции по проверке границ человеческого сознания, стремится лучше выявить истинное значение «интенциональности», или «направленности» к Другому, которую он определяет как «желание постичь Другого за пределами феномена бытия».

Что стоит за постижением феномена «Другого»?

Первичные характеристики «Другого» — «инакость», «чуждость» — попадают в сферу моего трансцендентного (т. е. выходящего за пределы моего познания) опыта. Таким образом, человеческая способность к познанию оказывается не в отношении человека к миру или к самому себе, а в его опыте общения с «Другим», с другой, чем его собственная, субъективностью, с другим, чем его собственный, миром. В отношении одной субъективности в другой субъективности возникает уникальная ситуация, связанная с выходом «за пределы бытия», с бытием «для Другого». Такое «освобождение» от бытия является

следствием человеческого бескорыстия в отношении к «Другому» и выступает основой ответственности за него⁶. «Ответственность, возложенная на меня, — говорит Левинас, — делает меня, не осознается как нечто незаменимое, поскольку никто тут не может встать на мое место, вызывая оттуда ко мне как к обвиняемому, который не может отвергнуть обвинение, оно делает меня незаменимым, уникальным, избранным. Незаменимый в ответственности, я не имею возможности скрыться, и вот я посвящен Другому без возможности отказа»⁷.

Между тем Левинас предупреждает, что перед бескорыстной отдачей для «Другого», вступая во взаимодействие с «Другим», «Я» как «Другой» для «Другого» могут представлять угрозу. Эта угроза связана с физической уязвимостью, вызывающей психологический страх «Другого». Физическая уязвимость лежит в плоскости страха перед описанным выше «не-бытием», связанного с конечностью нашего существования, смертью. Сложно каждый раз предвидеть свою угрозу для «Другого», но ее можно «обезвредить» путем преодоления моего бытия как угрозы. Единственная возможность сделать это — безусловная ответственность за «Другого», ответственность, которая должна быть принята без ссылки на предварительные договоренности или взаимоотношения⁸. Поистине несвободным «Я» считается при потере иного, как следствие при возвращении к бытию материальному, к «Я» неизменному, привязанному к самому себе. Это, по Левинасу, и есть трагичность одиночества.

Левинас признавал, что человек всегда взаимодействует более чем с одним «Другим» — в то же время человек должен противостоять всему миру. Здесь вступает в силу третий элемент, который создает необходимость закона и правосудия. Отныне ограничения налагаются на то, что должно быть сделано для «Другого», иначе «Другой» будет забыт и правосудие не будет иметь силы.

3. «Ответственность за ближнего является находящейся по ту сторону установленного законом и обязательством сверх соглашения; она берет свое начало изнутри моей свободы, не-настоящего, незапамятного»

В трактате «Девять талмудических чтений» Левинас приводит любопытную библейскую историю о наказании царем Давидом людей из числа приближенных по просьбе представителей чужого племени по причине нанесенной им старой обиды. На удивление царь Давид соглашается расправиться со свояками-обидчиками в пользу чужеземцев, несмотря на их привилегированное положение. Левинас делает интересное заключение: чужой имеет безоговорочное равенство с другими жителями, поскольку это обусловлено самим их человеческим существованием, и, что неслыханно в нашем мире, — даже если это царь! В безоговорочном равенстве людей Левинас видит один из основных принципов своей этической философии: «Это ответственность за моего ближнего, другого, чужеземца или попутчика, по отношению к которому никакая онтологическая связь не связывает меня». Не случайно Левинас обращается к священным текстам — по его мнению еврейская мысль должна быть изложена современным языком, поскольку пренебрежение равенством и пренебрежение к «Другому» однажды привело к физическому уничтожению еврейского народа⁹. Левинас не пытается убедить всех в этичности этого мира, но он дает нам пищу для размышлений: так

что же — мир подчинен теории английского философа Томаса Гоббса об извечной борьбе «всех против всех» или мир составляют сообщества этических личностей, исповедующих ответственность друг перед другом вне зависимости от того, оправдана ли эта ответственность?

Для этого, следуя за Левинасом, стоит разобраться в понятиях «правда», «знание», «справедливость». Левинас указывает, что между понятиями «правда» и «справедливость» гораздо меньше связи, чем между «правдой» и «обоснованием». «Правда», говорит Левинас, неразделима с «уразумением», знать — это не значит записывать, это значит «осознать», «уразуметь». Мы говорим, что, если мы знаем что-либо, мы можем это аргументировать, обосновать. Вся интеллектуальная история цивилизации отчетливо демонстрирует нам, что знание берет свое начало от мыслищего субъекта, который исследует, творит, представляет и обосновывает. Он терпит ошибки, брань и несогласие других и вновь творит и выступает перед публикой. Выходит, знание доступно только интеллектуально «подкованным» субъектам мыслительного процесса, кто может представить обоснования и аргументы своей позиции и веры. Спекуляция на «правде» очевидна сегодня, в особенности, когда подкреплена силой и властью. Категория справедливости уходит на второй план, ибо «правильная» точка зрения силой власти облачается в миссию.

Для Левинаса, хотя связь между «правдой» и «обоснованием» и является фундаментальной с точки зрения научных достижений и открытий, тем не менее, именно справедливость предоставляет личности возможность найти свой «гений» познания бытия. Вопрос исключительно в том, кто является «глашатаем» правды, насколько справедливо его высказывание и какой путь прошло высказывание, прежде чем оно объявляется знанием.

Суждение исходит от субъекта. «Я» является носителем некоего суждения, поскольку, размышляя, я высказываю суждение о тех или иных вещах. Наши суждения о предметах и знания объектов могут быть относительными, поскольку у каждого присутствует своя картина мира. Личность, безусловно, дает свою оценку объективности предоставляемого знания, однако и эта оценка может быть относительной.

Проблема в том, что путь к правде не предмет популизма и легкого обладания — изначально обладая свободой, каждый субъект отыскивает его индивидуально. Это путь исследователя, и, если человек претендует на выражение правдивого суждения, этот путь необходимо пройти. Путь начинается, когда человек остается один на один с собой. Поиск правды напоминает сражение индивидуальности против внешних обстоятельств, препятствующих этому процессу, ибо «корень правды горек». Путь знания — это путь через «территорию неадекватности» к уразумению и аргументации. Таким образом, если источниками знания, претендующими на истинность, этот путь не пройден, подтверждение или утверждение суждений оказывается под напором критики, следовательно, данные суждения не получают акта подтверждения — легитимации.

Итак, человеческая самость, изначально обладая свободой, проходит тернистый путь возобладания знанием. Требуется ли ответственность перед «Другим» пройти этот личностный путь? Левинас объявляет, что справедливость требует отдать предпочтение любым обязательствам перед «Другим», а не перед собой. Не автономия, не личностный путь, а гетерономия являет «лик Другого». Сознание моей неправоты возникает, когда я склоняюсь не перед сухим фактом, а перед

«Другим». Но, чтобы почувствовать себя неправым, нужно соотносить себя с бесконечным, с Божественным предписанием. Опыт же бесконечного и есть опыт связи с «Другим», ибо «Другой» стоит у истока опыта. Вот почему этическое сопротивление — это присутствие бесконечного, Бога, вынесение моей свободы на суд «Другого». Таким образом, Левинас выводит этику из самого человеческого существования, не оставляя ее лежащей за пределами нашего миропонимания. Быть этичным означает быть ответственным за «Другого» перед лицом Бога.

4. «Опыт ради Другого как открытие первых библейских заповедей»

«Человек следует за Богом, тесно общаясь со своим товарищем, сочувствуя вдове, сироте, незнакомцу, нищему. Именно здесь, на земле, среди людей нам открывается духовное начало»¹⁰. Следуя идеям библейских пророков, Левинас делает больший акцент на духовности, а не на обрядах. Левинас непреклонен в своей мысли о роли «человеческого» в истории: «Единственное, что остается во время самых ужасных и драматических событий нашего [XX] века, — это человеческое и встреча людей». Однако, говорит Левинас, эти моменты доброты и искренности рассеяны, и каждый раз требуется время, чтобы их собрать. Вслед за Василием Гроссманом, с книгой которого «Жизнь и судьба» после ее перевода на французский язык Левинас познакомился, он вопрошает, глядя на безумный XX век: «Потушим ли мы струей омовения пожар зла?» Сможем ли мы искупительной любовью к «Другому» смыть горечь и страх военного времени? Катастрофа войны, по мнению философа, заставила мысль переориентироваться с размышлений о рациональности бытия на вопрошание о бытии «Другого» — тема, являющаяся центральной в Библии, где доброта и бескорыстие оказываются источником главной ценности. Поэтому на сегодняшний день «человечность» наиболее ценна среди смятения и абсурдности происходящего. Верно и то, что в группе людей присутствует насилие и проявление доброты осложняется. В ситуации, когда справедливость, на первый взгляд, может требовать насилия во благо милосердия, ключевую роль играют правопорядок и закон, что совершенно не исключает первичность по отношению к «Другому». Формулируя это, приходим к понятию Божественного, понятия Бога, описанному в работе «Иначе, чем бытие, или По ту сторону сущности».

По мнению Левинаса, философия Бога старалась понять Его как «деяния бытия», когда сама идея Бога имеет смысл. Попытка понять библейского Бога была попыткой познания «Бога бытия», Бога — как активного участника библейских историй и процессов. Однако понимание Бога лежит за пределами бытия, т. е. без аналогий идеям, подчиненных нашим человеческим критериям. Вопрос, который ставит Левинас: а можно ли помыслить нечто, что лежит за пределами нашего сознания и мышления без привязки к нашему бытию? Вполне, отвечает философ, но тогда мы приходим к терминам лишь мнения и веры. Вера не противостоит бытию; вещи, в которые мы верим, могут и не быть связаны с нашей жизнью, мы в них верим. Божественное Откровение, которое испытывает верующий, сродни «философскому разоблачению». Религиозное сознание, пребывание в религиозной жизни схватывает религиозный опыт, интерпретирует Бога благодаря опыту. Еще более близкий опыт Бога приходит через принятие «Другого», через мою ответственность перед «Другим».

«Бог — или слово Бог — приходит ко мне как идея конкретным образом, когда в лице другого человека я читаю приказ “Ты не убьешь”. Запрет, написанный на лице другого, нельзя считать доказательством существования Бога. Но это ситуация, когда слово Бог обретает смысл»¹¹. Даже бесчувственность Каина в известной библейской истории сродни всему человеческому, пишет Левинас, который не понаслышке знает, что такое нечеловеческое. Простая бесчувственность Каина заключается в том, чтобы мыслить ответственность исхода из свободы или согласно договору — два пути, которые каждый раз выбирает человечество: действовать во благо по собственной воле или заключить соглашение. В мире есть склонность манипулировать последним, но «человеческий фактор» Левинас видит насквозь. «Через Бога я ничего бы не стал определять, — пишет Левинас, — ибо я знаю человеческое. Зато Бога я могу определить посредством человеческих, неуниверсальных отношений»¹². Отсюда необходимость справедливости. «Если бы нас было двое, — говорит Левинас, — в мировой истории идея ответственности приостановилась бы. Но с появлением третьего возникает проблема отношения второго с третьим. К изначальному милосердию добавилась забота о справедливости, нужда в государстве и политике. Справедливость есть более полное человеколюбие»¹³.

5. «Существование евреев, желающих
оставаться евреями даже вне всякой связи
с Государством Израиль, полностью зависит
от еврейского образования»

Еврейскому образованию Левинас уделяет огромное значение. Образование — это тот инструмент, который позволяет оставаться евреем вне зависимости от места проживания. Однако одного лишь религиозного наставления недостаточно. По мнению Левинаса, даже христианское религиозное наставление добилось большего, в отличие от еврейской традиции. Левинас выделяет два важных аспекта для успешного развития еврейского образования:

— изучение и актуализация иврита, что неотъемлемо связано с изучением традиции;

— необходимость возвращения к изучению основ еврейской цивилизации, тем самым открывая то гуманное, торжественное, глубокое, что есть в еврейской культуре.

По критическому замечанию Левинаса, на определенный момент еврейская культура утратила свою значимость и притягательность, хотя именно она должна отвечать потребностям духовной жизни. Даже современная ивритская культура не может состязаться с современными западными культурами. Необходимо, чтобы тексты Библии, Талмуда снова стали пищей для умов, а присутствие подлинной еврейской цивилизации должно «выйти за пределы» кабинетов иврита: «Невидимые еврейские города создавались в книгах, и, чтобы мы обрели свой дом, нам нужно заново проложить путь в эти утаенные текстами города»¹⁴. Стало быть, нужно «вернуться к книгам», чтобы встать на интеллектуальный путь развития, ведь в европейских университетах к текстам Платона, Монтезя, Гете подходят как к таким, которые могут ориентировать мысль, цивилизацию и ее восприятие. Так почему же мы не можем использовать Талмуд как текст, формирующий наш образ мыслей? «Чистая филология, недостаточная для понимания Гете,

недостаточна и для понимания интеллекта рабби Акивы или рабби Тарфона. Но, если мы пытаемся быть евреями, т. е. провозглашаем себя таковыми, пора представить слово рабби Акиве и рабби Тарфону»¹⁵, — предлагает мыслитель.

По его глубокому убеждению, необходимость возрождения еврейской традиции напрямую зависит от необходимости развивать академическую науку о еврействе — иудаику. «Возвести иудаизм к науке, помыслить иудаизм — это значит снова сделать его тексты Учением»¹⁶. Чистой филологии тут недостаточно, чтобы понимать и читать писателя, поэта — недостаточно лишь знать язык, нужно понимать весь исторический и культурный контекст написанного. «Если мы, рассеянные среди других народов, желаем остаться евреями даже без религиозной веры, нам нужен эквивалент тех интеллектуальных и социальных структур, которые христианство завещало нациям Европы», — говорит Левинас, указывая на то, что фундаментом этих структур должно выступить научное изучение еврейства. Приводя пример организации еврейского образования во Франции, Левинас подчеркивает основную миссию образовательных структур: «Делать так, чтобы ученики не могли обходиться без иудаизма; делать так, чтобы иудаизм не мог обойтись без них»¹⁷. Левинас видит проблему «в корне»: изучение языка лишь во имя его изучения не является достаточной мотивацией для изучающих людей. Важно, чтобы традиция и язык были актуальны в обществе и среди «великих умов». Успех еврейского образования, по Левинасу, будет в том случае, если «...иудаизм станет для молодежи неотъемлемой частью ее интеллектуального и социального роста, если массовое еврейское образование — безусловно, необходимое — окажется оборотной стороной образования элиты, которая и придаст ему смысл»¹⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Из беседы французского философа С. Залка с Э. Левинасом после выхода во Франции перевода книги В. Гроссмана «Жизнь и судьба» (*Le souci du bien // Espris*. 1996 N 221. Mai).
- ² На русском языке «эпоха Левинаса» довольно подробно описана в биографической монографии А. Ямпольской «Эмманюэль Левинас: Философия и биография» (Киев, 2011. С. 19—22).
- ³ *Левинас Э.* Избранное: Тотальность и Бесконечное. М.; СПб., 2000. С. 9.
- ⁴ Там же. С. 17—18.
- ⁵ Там же. С. 17.
- ⁶ *The Jewish philosophy reader / Ed. D. N. Frank, O. Leaman, Ch. N. Manekin. L., 2000. P. 37—39.*
- ⁷ *Левинас Э.* По-другому, чем быть, или По ту сторону сущности / Пер. с фр. И. Полищук // Левинас Э. Путь к Другому. СПб., 2006. С. 223.
- ⁸ *Левинас Э.* Избранное. С. 96.
- ⁹ Там же. С. 95.
- ¹⁰ *Epistemology of Emmanuel Levinas: From justification to justice // Philosophy today. Chicago, 2013. Vol. 57. N 1. P. 28.*
- ¹¹ *Реале Дж., Антисерри Д.* Западная философия от истоков до наших дней: От романтизма до наших дней, гл. 30. стр. 519. Доступно: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Reale_ZapFil/Modern/_30.php
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Левинас Э.* Три статьи о еврейском образовании / Пер. с фр. Е. Кушнера, А. Львова // Новая еврейская школа: Альм. 1999. № 4. (Доступно: <http://lvov.judaica.spb.ru/levinas.shtml>).
- ¹⁵ Там же. (Рабби Акива и рабби Тарфон (I—II вв. н.э.) — выдающиеся иудейские законоучители. — *Ред.*).
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.